

В.И. Разумовский

К ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТОВ И МЕДИЦИНСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Речь, читанная в торжественном
публичном заседании при открытии
Императорского Николаевского
университета в г. Саратове,
6 декабря 1909 г.¹

Возникновение университетов как высших научных школ, преследующих *studium generale*, т.е. изучение наук в их всеобщности и всеми желающими, относится к средним векам, к XII столетию. Но нужно заметить, что далеко раньше некоторые классические школы, в особенности Александрийская, представляли уже подобие университетов. Там науки под покровительством Птолемея достигли высокой степени процветания. Но затем наступает темнота средних веков. Великое наследие классического мира науки приходит в упадок, отчасти только сохраняясь у арабов. До XII в., в период борьбы народов между собой, борьбы из-за власти между монархами, аристократией, папами и народом, наука прячется за монастырской стеной, и только в XII веке, с наступлением известного политического успокоения, равновесия между королевской властью, аристократией и городами, на юге Европы, именно в Италии, возникают светские школы-университеты; сначала в Болонье, затем в Падуе, Риме, Пизе, Флоренции и др.²

¹ Текст лекции публикуется в современной орфографии, имена собственные приведены в русской транскрипции, кроме тех случаев, когда у автора присутствует двойное написание. Далее примечания редактора даются в тексте в квадратных скобках курсивом.

² Игнатович указывает также на то, что под конец XI и в течение XII века Европу охватило могучее всеобщее умственное движение. «Самым характерным явлением этой эпохи должно признать философское созерцание, которое уже не довольствовалось одной верой в утвержденные авторитетом факты; оно допытывалось их сущности, хотело знать их в основании. Необычайное преобладание духовных устремлений в XI и XII веке, какое едва ли встречалось когда-либо в истории <...> Это умственное движение обнаружилось преимущественно в двух направлениях: созерцательном и практическом; первое избрали себе философы и богословы, второе юристы и медики (Болонья и Салерно)». Журнал Министерства Народного Просвещения. 1861. 2.

Первые университеты, представляя собой корпорации учащихся и учащаяся, приобретают от городов некоторые привилегии (освобождение от налогов, воинской повинности), являются до известной степени автономными, так как имеют свою юрисдикцию; следовательно, в них мы уже находим зерно академической свободы: «Ihr Korporationsrecht war ihre akademische Freiheit» [*Их коллегиальным правом была академическая свобода, нем.*]¹. Учащимися были не только юноши, но и зрелые люди, иногда даже кардиналы, князья и т.п.; притом как местные жители, так и иногородние (cives et forenses). Количество профессоров первое время довольно ограниченное; рано возникает деление на факультеты: артистический², юридический, медицинский, богословский (последний не везде). Профессора, сначала избираемые студентами, впоследствии избираются городом и от него получают содержание. Ректор избираемый состоял на жалованье у города и давал периодически отчеты городу о деятельности профессоров. Студенты — схоляры делятся на землячества (nationes) и более крупные корпорации (universitates): цитрамонтаны и ультрамонтаны, т.е. итальянцы и иностранцы. Церковь, желая быть властительницей ума и гения народного, старалась забрать под свой контроль и университеты, — и это ей в значительной степени удавалось: выдача ученых степеней производилась под руководством церковных представителей (канцлеров), значительная часть членов университета принадлежала к духовному сословию и т.д. Но все же в итальянских городских университетах церковь не господствовала над ними столь полно, как в так называемых канцлерских университетах Франции, Англии и т.д.

Характер преподавания догматический. Научными авторитетами являются: в праве Юстиниан, в философии Аристотель, в математике Евклид, в астрономии Птоломей, в медицине Гиппократ, Гален и араб Авиценна³).

¹ E. Horn. Akademische Freiheit. Berlin, 1905.

² Полный курс 7 свободных искусств в средневековых университетах делился на 2 цикла: 1) словесный — trivium, куда входили грамматика, риторика и диалектика (логика с философией), и 2) реальный — quadrivium, куда входили арифметика, астрономия, музыка и геометрия. Артистический факультет с XVI века переходит в философский и представляет низший факультет, подготовительный к высшим: юридическому, медицинскому.

³ Основной задачей средневековых университетов было не развитие науки, а передача (tradere). При этом в теологии, по Фр. Паульсену, «die heilige Schrift (sacra pagina) ist die letzte Quelle und die entscheidende Autorität <...> In der juristischen Fakultät bilden die grossen Sammlungen des römischen und des kirchlichen Rechts die Quelle und die Substanz des Unterrichts, wobei denn Kommentatoren und Glossatoren zu Hilfe gerufen werden. Die medizinische Fakultät <...> vor allem die Schriften des Hippocrates und Galenus mit einigen ihrer späteren besonders arabischen Kommentatoren. Die artistische Fakultät endlich lehrt die philosophischen, d. h. alle rein theoretischen Wissenschaften, sofern sie aus der natürlichen Vernunft geschöpft werden können. Die Substanz des Unterrichts sind auch hier kanonische Lehrbücher, vor allem die Schriften des Aristoteles, — ausserdem werden in der Mathematik Euklides, in der Astronomie Ptolemäus gelesen; daneben wird auch eine kleine Anzahl neuerer Lehrbücher gebraucht». (Fr. Paulsen. Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium. Berlin, 1902).

[«Священное писание — последний источник и решающий авторитет. <...> На юридическом факультете большие собрания римского и церковного права являют собой источник и содержание преподавания,

Университеты, первые светочи, первые рассадники столь сильно вооруженных в настоящее время наук, конечно, находились тогда еще в зачаточном состоянии; но несомненно они представляли колыбель европейской цивилизации и культуры. Они являлись преемниками классических школ; в них науки классического мира восстанавливаются и получают дальнейшее развитие.

Для примера укажу на изучение анатомии — фундамента медицинских наук.

Для изучения анатомии необходимы вскрытия трупов. Вскрытия практиковались в Александрийской школе (Герофил, Эразистрат), затем ряд веков совершенно не производятся и вновь начинают практиковаться только в XIII в., — именно в итальянских университетах (Мондино). Первые вскрытия производятся с особого разрешения; трупы добываются с трудом; в 1319 г. в Болонье возникает судебный процесс по поводу того, что ученики магистра Альберто вырыли труп из могилы и вскрыли его в доме своего учителя.

Вскрытия обставляются рядом формальностей: присутствует, например, определенное количество лиц (20 на вскрытии мужского и 30 на вскрытии женского трупа); обязательно присутствие ректора. Для вскрытий выдаются трупы казненных преступников, притом в ограниченном количестве, например, два в год. В виду редкости вскрытий, трупы использовались очень обстоятельно; например, в течение 12 дней расчленялись постепенно, начиная с наружных частей, переходя далее к внутренностям и в заключение к костям. Замечу при этом, что, по свидетельству великого монаха-хирурга средних веков Ги де Шольяка, получившего образование в итальянском университете (учился также в Монпелье — Франция), на вскрытиях изучалось не только строение тела, но и патологические изменения, «*quibus per anatomiam in diagnoscendo, prognosticando ac curando possit auxiliari*» [что могло бы на основании анатомического строения принести пользу в диагностике, прогностике и лечении, лат.]¹. Основателем патологической анатомии, второй фундаментальной медицинской науки, считается итальянский хирург и патологоанатом XV в. Бенивьени, оставивший после себя солидный патолого-анатомический трактат, содержащий ряд тщательных наблюдений при аутопсиях.

Необходимо упомянуть, что рядом с городскими университетами в Италии же возникают государственные университеты для дан-

причем на помощь призываются комментаторы и составители словарей. На медицинском факультете <...> прежде всего, писания Гиппократ и Галена, с некоторыми из их позднейших, в особенности, арабских комментаторов. Артистический факультет наконец-то преподает философские, т.е. чисто теоретические науки в той степени, в какой они могут быть почерпнуты из естественного разума. Предмет преподавания здесь — канонические учебники, прежде всего, писания Аристотеля, — кроме того, в математике читают Евклида, в астрономии — Птолемея; наряду с этим используется небольшое количество других учебников». Фр. Паульсен. Немецкие университеты и учеба в университетах. Берлин, 1902, нем.]

¹ Целый ряд славных анатомов вышел потом и из итальянских университетов. Знаменитый реформатор анатомии Андрей Везалий, родом бельгиец, также был профессором в итальянских университетах (Падуа, Пиза, Болонья).

ного государства, территории, где профессора находятся на жаловании, назначаемом государем; ему принадлежит вся власть: он определяет профессоров, ректора, издаёт правила об испытаниях, порядке выдачи ученых степеней и так далее. Такой университет был основан в 1224 г. в Неаполе. Такое же государственное учреждение представляла и знаменитая школа в Салерно, прославившаяся еще в XI в. Школа эта возникла в IX в., отчасти под арабским влиянием: несколько врачей, юристов и философов основали род университета для изучения всех наук (исключая теологию). Просвещенный государь Сицилийский Фридрих II, сам естествоиспытатель, покровительствовал этой школе и в 1231 г. издал для нее устав; право медицинской практики имели только лица, получившие образование в этой школе. Замечателен факт, что между учителями этой первой научной медицинской школы в Европе были и женщины (более знаменитая из них Тротула в XII в.)¹; между ними были писательницы. Салернская медицинская школа долго (до XIV в.) пользовалась обширной известностью, пока другие итальянские университеты (Болонья, Падуя, Неаполь) и французский в Монпелье не отодвинули ее на задний план.

Почти одновременно с итальянскими возникают французские университеты, и в XIII в. во Франции имеется уже 5 университетов (Париж, Орлеан, Монпелье, Анжер, Тулуза). Парижский университет представляет создание всемогущей в то время папской власти², находится под контролем церкви: главой (caput) университета был канцлер Нотр Дам, представитель епископа (licentia docendi, т.е. право преподавания давалось канцлером).

Изложение наук на латинском языке было чисто догматическое, почти исключительно по классическим авторам, к чему обязывали университетские статуты; определялось даже по статутам для изложения и толкования каждой книги число лекций, так, например, на афоризмы Гиппократова 50, на книгу о горячках 20 и т.п. Руководства избирались и одобрялись церковью.

¹ Тротула оставила ряд научных сочинений: De compositione medicamentorum; De Feris; De mulierum passionibus ante, in et post partum [О составлении лекарств; О животных; О женских болезнях до, во время и после родов, лат.]. Из Салернской школы вышли первые самостоятельные писатели Западной Европы по научной хирургии: Роджер, Роланд и так называемые «Четыре мастера». Роджер Салернский и Уго де Лукка (основатель Болонской школы) считаются отцами итальянской научной хирургии. В средние века (и позже) почти во всей Европе хирургия преимущественно находилась в руках ремесленников и только в Италии в руках научно-образованных врачей. Geschichte der Chirurgie u. ihrer Ausübung von Prof. Dr. I. Gurft. Berlin, 1898. [Профессор доктор И. Гурлт. История хирургии и хирургической практики. Берлин, 1898, нем.]

² Университеты, по ходатайству королей, городов, епископов и т.д. основывались папскими буллами. Приведу образец такой буллы: «Studium generale <...> instituimus, fundamus ac etiam ordinamus; <...> concedimus, ut <...> sit Studium generale illudque perpetuis futuris temporibus in ea (civitate) viget, in theologiae ac juris canonici et civilis, necnon artium et aliiis licitis facultatibus quibuscunque etc.» [Мы учреждаем, основываем, и к тому же обустроиваем университет; мы соглашаемся, <...> чтобы этот университет процветал в нем (государстве) во все будущие времена, в факультетах богословия, канонического и гражданского права, а также искусств и всевозможных прочих дозволенных и т.д., лат.].

Уже в XIII в. Парижский университет имел 4 факультета: богословский¹, юридический, медицинский и артистический (последний низший, подготовительный). Каждый факультет имел род цехового устройства с мастерами (*magistri, doctores*), подмастерьями (*baccalaurei*) и учениками (*scholares*). Очень рано развились коллегии —общезития² для студентов и магистров-руководителей. Профессора не избирались, как в Италии, и не получали жалованья, но некоторые получали церковные пребенды и даровое содержание в коллегиях. Во главе факультета стоял декан, во главе университета ректор. Вообще университет представлял полудуховное общество; профессора и студенты причислялись к духовному сословию; для профессоров обязательно было безбрачие — только в 1452 г. профессора-медики получили право жениться. Самый костюм профессоров и студентов был полудуховный. Так же, как и в итальянских университетах, было деление студентов на нации (землячества).

Чтобы дать понятие об университетской жизни, я несколько подробнее остановлюсь на медицинском факультете Парижа (*saluberrima medicorum facultas*) [*самый здоровый факультет медиков, лат.*]. Медицинский факультет был основан в Париже около 1276 г., но до 1481 г. (т.е. два столетия) он не имел собственного помещения. В состав преподавателей входили, кроме двух профессоров, еще так называемые *docteurs regents* [*врачи-преподаватели, фр.*], парижские врачи, в начале — 14, после — значительно больше. Во главе факультета стоял декан. Имущество факультета составляли 2 сундука (с вещами), печать на серебряной цепи и 12 книг (библиотека); ежегодно, с переменой декана, инвентарь этот переносился в квартиру нового декана. Бюджет факультета, не поддерживаемого королями и городом, был ничтожен: значительная часть этого бюджета уходила на мессы и церковные церемонии. Только в XV в. факультет приобретает свой дом, а в начале XVI в. рядом с факультетским домом был основан ботанический сад.

Чтобы дать понятие о преподавании, я опять остановлюсь на анатомии.

Вскрытия были крайне редки — по-видимому, их не было даже совсем годами³. При вскрытиях профессору помогал *chirurgien-barbier* [*хирург-цирюльник, фр.*] или *chirurgien de robe courte* [*хирург короткой мантии, фр.*] (особый цех). Только в 1576 г. факуль-

¹ Богословский факультет был доминирующим в Парижском университете. Большое значение в нем приобрели доминиканцы; из их среды вышли Альберт Великий (он учился и в Италии) и Фома Аквинский. В Монпелье же славился медицинский факультет, из которого вышли знаменитый анатом Анри де Мондenville и великий хирург Ги де Шольяк (друг Петрарки); тот и другой учились также в Италии.

² Некоторые коллегии учреждались самими папами: так, папа Урбан V учредил за свой счет в Монпелье общезитие для студентов.

³ Первые вскрытия во Франции начали производиться в Монпелье, благодаря Людовику Анжуйскому, который разрешал ежегодно вскрывать одного казненного преступника. Правильные вскрытия начинают производиться во Франции только в 1483 г., когда от бакалавров медицины потребовали уже анатомических познаний.

тет учредил должность «archidiaconus scholarum» [*предводитель студентов, лат.*] — анатомического помощника, который должен был помогать профессору на лекциях, репетировать и собирать гонорар со студентов. Особого помещения для вскрытий факультет не имел, они производились в подвалах или в квартирах преподавателей. Первый анатомический театр выстроен в 1604 г., деревянный, со свинцовой крышей, без окон; только в 1620 г. знаменитым анатомом Жаном Риоланом был выстроен постоянный театр на свои средства. Кроме анатомии, изучавшейся слабо, медикам читались лекции de rebus naturalibus [*о естественных явлениях, лат.*] (физиология, гигиена) и de rebus praeter naturam [*о неестественных явлениях, лат.*] (болезни, их лечение), materia medica [*предмет медицины, лат.*] и другие. Клиническое изучение болезней началось только с 1624 г. (в Италии раньше), хотя госпитали основаны во Франции (Отель-Дье), начиная с VI в. Хирургия в университетах стояла слабо, предоставлялась ремесленникам. Только в 1634 г. в Парижском медицинском факультете учреждена особая кафедра хирургии. Раньше практическое изучение медицины и хирургии производилось таким образом, что ученики вместе с учителем посещали его больных, присутствовали при его операциях и т.д.

Порядок изучения медицины был такой: magister artium [*магистр искусств, лат.*], т.е. окончивший курс на артистическом факультете, поступал для изучения медицины, слушал лекции 3 года, а затем сдавал экзамен на бакалавра; еще через 2 года на лиценциата, затем на доктора. Удостоенный степени доктора получал знаки ученого ценза: берет, пояс, кольцо и книгу (Гиппократ).

Уже в ранние эпохи были попытки профессоров читать лекции вне университета. Один из знаменитых парижских профессоров XIII в. Ланфранки (выходец из Италии), кроме чтения в университете, где он имел сотни учеников, читал также лекции и вел практические занятия с лицами, специально изучающими хирургию, в коллегии Св. Козьмы (College de St. Cozme, — товарищество и специальная школа хирургов, — так называемые chirurgiens de robe longue [*хирурги длинной мантии, фр.*], — организованные по типу цеха).

Английские университеты, возникшие почти одновременно с итальянскими и французскими (Оксфорд, Кембридж), были организованы по типу последних. Влияние церкви также очень значительно, хотя и несколько слабее, чем во Франции. Характерно для английских университетов развитие коллегий, общежитий, которые постепенно обратились в закрытые учебные заведения, владеющие своими имениями: библиотеками, кассами и т.д. Коллегии эти, в значительной степени автономные (некоторые коллегии имели даже право давать ученые степени), удержались до новейшего времени, сохраняя средневековый характер, с духовным канцлером во главе, даже с религиозным цензом, который был отменен только во второй половине XIX столетия. Знаменитый Ньютон

был преподавателем в одной из таких коллегий (Тринити Колледж в Кембридже). Медицинские факультеты в Англии, как и в других странах, основывались позже других и организованы были (Эдинбург, Глазго и др.) по типу французских и итальянских.

Перехожу к немецким университетам. Они возникли значительно позже: старейшим в пределах Германии является Пражский, основан в 1348 г. Ранее немцы, не только ученики, но и профессора, изучали науки в Италии и Франции. Император Фридрих I дал странствующим ученикам и профессорам жалованную грамоту, в которой предписывает властям оберегать их во время научных путешествий. Немцев особенно много было в Болонье, где они составляли особую нацию в Трансальпийской корпорации. Пражский университет основан чешским королем Карлом (впоследствии Император Карл IV), который сам был воспитанником Парижского университета. Это был образованный государь: он любил науки, говорил и читал с легкостью на 5 языках, вел дружескую переписку с Петраркой, Боккаччо и т.д. Получив в 1347 г. от папы разрешение на открытие «*Studii generalis*», с передачей архиепископу лицензии (утверждение в степенях), король Карл издал в 1348 г. учредительную грамоту: приказано было организовать университет по образцу *Studii Parisiensis* [*парижского университета, лат.*]. Учреждено было 4 факультета, всего 16 профессоров (с жалованьем), из них 2 медика. Первому университету предоставлено было также и управление чешскими низшими школами. Из Пражского университета вышли Иоанн Гус (студент, потом профессор и ректор Пражского университета) и Иероним Пражский. Отмечу факт необычайно быстрого развития чешского университета: уже к концу XIV столетия в нем были тысячи учащихся. Университетские корпорации распались на 4 нации: чешскую, баварскую, польскую и саксонскую. Вскоре возникли национальные споры из-за преобладания (не кончившиеся и теперь). Для чехов, бывших в меньшинстве и подавляемых большинством других наций, И. Гус в 1408 г. потребовал некоторых привилегий; возникла борьба; тогда другие нации покинули Прагу, — и был основан в 1409 г. университет в Лейпциге (праздновавший в нынешнем году 500-летний юбилей).

Чтобы дать понятие о жизни первых немецких университетов, мы остановимся более подробно на старейшем собственно немецком, именно Венском университете.

Вообще в университетах вначале было двойное деление — на факультеты и нации¹; во главе факультетов был декан, во главе нации прокуратор, во главе всего университета ректор; в то время ректоры были нередко из видных лиц — канцлеры, графы, прелаты и т.д. Хотя университет именовался «*Universitas magistrorum et scholarium*» [*корпорация преподавателей и студентов, лат.*], но организация была скорее аристократическая; решающее значе-

¹ Впоследствии деление на нации в германских университетах исчезает.

ние во всех вопросах имели старшие; студенты Венского университета не имели даже права непосредственно в факультеты подавать жалобы (через прокуратора). Число студентов в Вене доходило до 7000; в числе студентов иногда были князья, бароны, прелаты и т.д.

Университет пользовался известными правами и привилегиями: право суда, право издавать статуты, освобождение от налогов, пошлин и т.д.; вообще был в значительной степени автономен; с XVI в., вследствие большого вмешательства королей в статуты и т.п., зависимость университетов несколько усиливается.

По университетским статутам жизнь студентов была строго регулирована. Посещения лекций были обязательны; студент, не посещавший лекций в течение 14 дней, лишался права быть членом университета. Одежда студентов клерикальная: ряса и капюшон. Студентам запрещалось играть на деньги, посещать места разврата, участвовать в маскараде, присутствовать в фехтовальных залах, устраивать сходки и т.д. За провинности студенты подвергались наказаниям и лишались права получать ученые степени¹.

Для характеристики преподавания скажу несколько слов о преподавании на медицинском факультете Венского университета. Медицинский факультет в Вене возник в конце XIV в. (университет в 1365 г.). В состав его входили, кроме двух профессоров², все магистры и доктора, потом факультет составляли только более активные и полноправные из преподавателей³. Количество часов преподавания не велико, 11–15 в неделю. Правда, студенты имели еще право частных собеседований с профессорами: «*privatim professores interrogandi, conferendi, comitandi, ubi et quando datur, potestatem habento*» [*пусть у них будет возможность частным образом задавать профессорам вопросы, обращаться к ним и сопровождать их, где и когда возможно, лат.*]. Позднейшими статутами

¹ Для характеристики провинностей приведу следующий факт из жизни Венского университета. В 1449 г. из 43 студентов семнадцати было отказано в степени лиценциата по следующим причинам (провинностям): один нагрубил магистру, другой во время совещания магистров снял рясу в лектории и надел другое платье; пять после экзамена пошли на лобное место (где вешали); один был замечен в перемене одежды на гулянии; другой в игре на деньги, третий участвовал в схватке между студентом и сапожником, дравшимися на ножах и т.д. Более строгие правила были для живших в общежитиях (бурсы). Наказания вообще довольно строгие, но допускалось ходатайство о прощении. Для прощения нужно было публичное раскаяние. В случае прощения студента был особый обряд: декан приглашал студента в комнату и предлагал рюмку вина.

² В большей части немецких университетов и на медицинских факультетах было только три профессора, или даже при открытии один. В Гейдельберге (университет открыт в 1386 г.) второй профессор только в 1482 г., а третий в 1521 г. Статуты Вюрцбургского университета 1584 г. указывают трех профессоров: «*theoricus, practicus et chirurgiae professor*» [*теоретик, практик, и профессор хирургии, лат.*]; последний должен был читать также ботанику, фармакологию и анатомию; для ботаники отводится лето, а для анатомии зима. Венский медицинский факультет третьего профессора получает только в XVI столетии.

³ Названия *magister* и *doctor* первоначально обозначали одно и то же лицо; различие было в том, что магистром называли получившего ученую степень *per actum promotionis* [*посредством возведения в высшую степень, лат.*], а доктором того, кто занимал кафедру: «*magister is est, qui magisterium assecutus est, doctor vero proprie is, qui docet aut docuit artem, quam novit*» [*магистр это тот, кто получил степень магистра, а собственно доктор — тот, который учит или учил той дисциплине, которую знал, лат.*]. В. Игнатович. Немецкие университеты в развитии их исторической жизни. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1863.

устанавливаются еще ежемесячные (или несколько раз в год) диспуты — *disputationes*, на которых присутствуют иногда даже все учителя и ученики¹.

Преподавание преимущественно книжное, по греческим, римским, отчасти арабским авторам. Схоластика, господствовавшая всюду, проникла и в медицину. Прослушав медицину 2–3 года, студент сдавал публичный экзамен на степень бакалавра; для получения степени лиценциата требовался пятилетний курс с обязательством практически заниматься (1 год посещать больных с доктором).

Возведение в высшую ученую степень (*promotio*) доктора было очень торжественно: в соборной церкви утром 2 раза звонили в большой колокол, затем вступали в нее при звуке труб и литавр; после публичных речей, в присутствии двора, бурмистра, городского совета и судей, доктор получал, становясь на колени, в знак ученого достоинства: 2 книги, закрытую и открытую, берет и, в знак единодушия, поцелуй мира, — и тотчас же читал вступительную лекцию.

Что касается фундаментальной науки медицинского факультета, анатомии, более или менее правильные анатомические демонстрации в Вене начинаются только с XV в. и введены переселившимся в Вену итальянским профессором Галеаццо; первая демонстрация, продолжавшаяся 8 дней, была в 1404 г. Вскрытия вообще обставлялись рядом формальностей; само право на вскрытия университеты получали от пап².

Вскрытия были публичны, по крайней мере, в смысле присутствия членов факультета, докторов и т.д.; пока тянулось вскрытие (несколько дней), ежедневно совершались мессы в присутствии всех участвующих. После вскрытия в присутствии докторов факультета совершалось торжественное «*Requiem*», а затем погребение за счет участников вскрытия. Между прочим, в 1440 г. повешенный, доставленный для вскрытия, оказался живым и, благодаря вмешательству факультета, благодаря тому, что университет пользовался правом убежища, несчастный получил жизнь и свободу. То же случилось позже, в 1491 г.

Но вскрытия вообще были редки, по-видимому, даже не каждый год³; иногда пользовались трупами животных, например, свиной. Только в 1554 г. университетскими статутами определяются для изучения анатомии 3 правильно следующие друг за другом вскрытия.

¹ Интересно, что по статутам некоторых университетов, профессора обязательно должны были ежегодно представлять научные труды. В Страсбурге, например, профессор-медик обязан был ежегодно напечатать 2 тезиса или иметь 2 публичных диспута.

² Не только университеты, но и некоторые медицинские школы: между прочим, в Испании монастырь Гваделупы в провинции Эстремадура, имевший медицинскую школу, получил от папы право на вскрытия трупов.

³ В Гиссене еще в 1615 г. медицинский факультет, обращаясь к ландграфу с ходатайством разрешить выдачу трупа, указывает в прошении, что уже 6 лет на медицинском факультете не было вскрытия.

Долго не было особенного помещения для вскрытий, — и они производились в капеллах, аудиториях или даже под открытым небом, на кладбище. Насколько слаба была анатомия, видно из того, что не все университеты обладали даже скелетами. В Базеле скелет приготовлен знаменитым А. Везалием около середины XVI в. (уцелел частью до настоящего времени). Тюбингенский университет приобретает скелет в 1548 г. за 50 золотых гульденов (подарок герцога)¹.

Остановимся теперь на эпохе возрождения (*renaissance*).

Начавшееся со середины XIV в. усиленное изучение классиков в особенности получило в Западной Европе новый жизненный импульс, после того как Константинополь был взят турками (1455 г.) и греческие ученые перешли в Италию, на юг Франции и т.д. Классики изучаются теперь уже не по арабским источникам, а по оригиналам и, благодаря введению книгопечатания, делаются доступны более широким кругам. Целый ряд других благоприятных условий способствует прогрессу наук и искусств. Изобретение пороха способствует падению феодализма, параллельно с чем начинается развитие городов, торговли, промышленности, участие горожан в общей культурной жизни. Улучшение путей сношения, открытие морских путей в Индию, Америку, знакомство с жизнью и природой новых стран расширяет кругозор. Книгопечатание распространяет блага знания и науки на всех, привлекая народ к культурной жизни.

Казалось бы, в этом прогрессе университетам должна была принадлежать главная руководящая роль, тем более, что такую задачу университеты выполняли в течение XII, XIII и XIV вв., стоя во главе умственного движения Европы. Но с XV в. дело несколько изменяется. Преобладающее влияние клерикализма, схоластическое направление, замкнутость, корпоративный строй мешают университетам прогрессивно развиваться и в период *renaissance* (со середины XV в.) университеты уже не стоят во главе умственного движения, становятся иногда даже на сторону реакционных элементов.

Параллельно с университетами и как бы на смену им, выразителями научного движения являются свободные ученые общества — академии. Эти учреждения вначале появляются тоже в Италии. Всем известно, какую роль сыграла Италия в эпоху возрождения. Ватиканская библиотека была первой в Европе; за ней следовала библиотека Медичи во Флоренции. В других местах Италии (Турин, Модена) также скоплялись книжные сокровища. Отдельные благородные фамилии приобрели историческую известность своим покровительством наукам, например, дом Гонзага в Мантуе, прославившийся своим покровительством естествознанию и

¹ Владетельные особы покровительствовали университетам, иногда даже присутствовали на вскрытиях. Так, в Тюбингене в 1604 г. присутствуют на вскрытии даже несколько герцогов. В XVI в. взгляды на вскрытия вообще уже изменились в Европе, чему, может быть, способствовали вскрытия коронованных особ, умерших от ран (Генрих II в 1559 г., Генрих IV в 1610 г.).

математике. Все это подготовило почву для образования ученых ассоциаций — академий. Их возникает в Италии несколько: в Неаполе (1433 г.), Флоренции (1474 г.), Риме [1460], а затем уже и в других странах. Из них главным образом, реже из университетов, выходят выдающиеся мыслители и ученые. Знаменитый Галилей был член Римской академии. Коперник (1473–1543) также был преподавателем математики в Риме (потом уже получил место каноника в Фрауенбурге).

Умственное движение этого периода выразилось затем в так называемом гуманизме (Эразм, Рейхлин, Меланхтон и др.)¹. Гуманизм не мог не отразиться на университетах, но он только медленно проникал в них. Гуманисты во второй половине XV в. и в первой XVI в. явились могучими деятелями в борьбе со схоластикой. В некоторые университеты (Гейдельберг, Тюбинген, Базель, Вена) гуманизм, благодаря содействию государей, проник сравнительно быстро; в некоторых, напротив, например, в Кельнском, где господствовали доминиканцы, среди профессоров гуманизм встретил врагов. Борьба была ожесточенная: кельнские доминиканцы в своих проповедях называли поэтов (гуманистов) плутами (Schelme), ораторов свиньями, а их сочинения чертовыми плевелами (Spred der Teufel). Но «университетская молодежь встречала гуманистов с восторгом, как посланников неба, и толпами спешила слушать их лекции; даже многие из старых учителей приводили к ним учеников своих и не стыдились сидеть с ними у ног новых учителей» (Мейнерс, *Geschichte der Universitäten*, цитировано по Игнатовичу). Гуманисты отличались широким, энциклопедическим образованием, которое они старались получить, путешествуя по Италии, Франции и т.д. Вот что говорил Эразм про гуманиста Агриколу (1443–1485): «Он превзошел в образовании всех современников по сю сторону Альп. Не было науки, в знании которой он не сравнялся бы с величайшими учителями. Между греками он был настоящий грек, между римлянами настоящий римлянин <...> Высокое красноречие соединялось в нем с громадной ученостью. Он извдал все таинства философии, все роды музыки он знал в совершенстве. В последние годы своей жизни он предавался всей душой изучению еврейского языка и Св. писания» (по Игнатовичу). Благодаря Агриколе Гейдельбергский университет, говорит Игнатович, на долгое время сделался центром классической учености и изящного вкуса.

Энциклопедическим образованием обладал и знаменитый Меланхтон; он читал лекции (первая лекция в Виттенберге в 1518 г.)

¹ На развитие гуманизма и гуманистов большое влияние имели школы, так называемые братства общежития (*fraternitas bonae voluntatis*) [*братства доброй воли, лат.*], Девентерская и Цволльская; с последней в течение 70 лет (1400–1472) был тесно связан Фома Кемпийский, который в ней учился, затем был ее преподавателем и 40 лет ее ректором. Ученик Фомы, Гегий, впоследствии ректор Девентерской школы, обладал глубокими познаниями по классической литературе, математике и физике. Из Цволльской и Девентерской школ и вышли передовые деятели гуманизма, во главе которых нужно поставить ученика Гегия Эразма, автора знаменитой «Похвалы глупости». По некоторым авторам, Петрарка и Боккаччо должны считаться первыми гуманистами.

по богословскому факультету — Ветхий и Новый завет и догматику; по философскому — этику, диалектику, физику и математику; сверх того прошел со слушателями всех латинских классиков, из греческих: Аристофана, Демосфена, Гезиода, Гомера, Еврипида, Софокла, Фукидида; изучал он и медицину. Понятное дело, что слушатели к Меланхтону стекались со всех стран, — из Италии, Франции, Англии и т.д.

Влияние гуманизма на университеты колоссально. Гуманизм подготовил почву, на которой впоследствии созрела так называемая «академическая свобода».

Энциклопедисты XVIII в. также по духу являются преемниками гуманистов.

Огромное влияние на университеты оказала реформация, которая и сама зародилась и выросла в университетской среде¹, — именно в Эрфуртском университете, где Лютер (1493–1546 гг.) получил классическое образование и где он потом был преподавателем физики и этики (до поступления в Августинский орден).

Влияние реформации на университеты очень сложно.

С одной стороны, несомненно, что реформация, установив принцип свободы мышления в вопросах религии, способствовала освобождению человеческого ума от тех оков, которые наложил на него католицизм, — и в этом ее бессмертная заслуга. Но, с другой стороны, реформация, как по преимуществу церковная революция, выдвинула на первый план религиозные, богословские вопросы, отодвинув вопросы научные на задний план, а втянула самые университеты в религиозную, партийную борьбу. «Ко вреду академической свободы, — говорит профессор Е. Нот, — университеты разделялись на католические и протестантские»². Университеты делались как бы защитниками того или другого исповедания веры, что, конечно, отвлекало их от прямых задач, понижало их научный уровень. Во время религиозных междоусобиц многие университеты пострадали материально: имущество их подвергалось секуляризации, иногда их просто грабили.

Протестантские университеты в общем сделались более государственными учреждениями, попали в большую зависимость от государей и приобрели в значительной степени территориальный характер³. Папские учредительные грамоты исчезают, заменяясь

¹ Замечательно, что в Англии оппозиция католицизму также выросла в университетах, и притом очень рано, в XIII—XIV вв. (Гросстет, Р. Бэкон, Вилкелф и др.). См.: В. Игнатович. История английских университетов. Журнал Министерства Народного Просвещения, 1861. Во Франции первыми противниками папской власти были также профессора Марсильи и Оккам в XIV веке (см. того же автора и, кроме того, статьи Новгородцева, Ивановского, Петрушевского и др. в «Истории средних веков», изданной кружком преподавателей под редакцией П. Виноградова, 1909).

² Только с начавшимся уже в XIX в. обменом профессоров протестантских и католических университетов разница сглаживается.

³ В старых средневековых университетах имели право преподавания и магистры, и доктора «*actu regentes*» [преподающие по акту (университетскому решению), лат.]. Потом уже короли стали приглашать профессоров, например, лучших гуманистов, за жалованье. При начале реформации все главные кафедры были уже на жалованье (публичные ординарные профессора). Университеты получали право выбора и представления, но правительство могло и не утвердить избранных лиц.

грамотами государей. Государь и князь, давая университетам средства к существованию (стипендии студентам, жалованье профессорам), превращают их в учреждения, служащие целям данного государства, в учреждения территориальные. Самый внешний вид университетов изменяется: монахи исчезают; полудуховный студент-школяр стремится превратиться в студента-нобиля; шпага заменяет капюшон клирика.

Но, несмотря на внешний светский характер, свободного научного исследования в протестантских университетах XVI и XVII в. нет. Теологические факультеты являются не только доминирующими, но и контролирующими. «Лютерова церковь забыла те корни, из которых выросла», — говорит один из историков университетов (Толюк). На место католической схоластики является новая протестантская, воспитавшаяся в лютеровской теологии, притом враждебная гуманизму; педантизм, слепое повиновение букве заменяют свободный дух исследования.

Такое направление не могло дать великих мыслителей: передовые люди этой эпохи Картезий, Спиноза, Кеплер, Гарвей, А. Раге, Лейбниц (учился в университете, но от кафедры отказался в 1666 г.) принадлежали не университетам, — и университеты нередко становились к ним и их учениям во враждебные даже отношения, в особенности к картезианству.

Что касается строя университетской жизни, то в XVI и XVII в. он вылился в определенные формы: корпорация ординарных и экстраординарных профессоров с деканами и ректором во главе, сенат (из ординарных профессоров), правительственный агент (куратор) и синдик (судья). Постепенно формируется студенчество (*Burschentum*) с его оригинальными нравами, бретерством, пеннализмом¹ и т.д. В общем, нравы студенчества в этот период очень грубы; огрубение нравов вообще, и в университетской среде в частности, в особенности развилось во время тридцатилетней войны.

Но несмотря на все отрицательные стороны, которые обнаружались в университетской жизни при наступившей реформации, благодаря религиозным распрям, все же протестантизм оказал прогрессу науки огромные услуги, и нельзя не согласиться с Паульсеном²: «Die deutsche Philosophie und Wissenschaft, die deutsche Literatur und Bildung ist auf dem Boden des Protestantismus erwachsen; sie darf als eine wenn auch entfernte Frucht des von ihr geschaffenen Geistes bezeichnet werden, des Geistes der Freiheit und des Mutes zur Wahrheit» [*Немецкая философия и наука, немецкая литература и образование выросли на почве протестантизма; они*

¹ Пеннализм — деспотизм старших студентов по отношению к новичкам, сопровождавшийся грубыми поступками, даже истязанием.

² Fr. Paulsen. Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium. Berlin, 1902 (см. также: Фр. Паульсен. Исторический очерк развития образования в Германии, русский перевод под редакцией Н.В. Сперанского).

могут быть названы плодом, хоть и весьма отдаленным, созданного ею духа, духа свободы и мужественной правдивости, нем.]

В католических германских университетах после реформации клерикальное влияние усиливается, — и университеты попадают даже во власть иезуитов. Вначале иезуиты получают право выдавать дипломы в своих школах наравне с университетами, а затем проникают в самые университеты в силу так называемой прагматической санкции; назначают профессоров на философский и богословский факультеты, составляют учебные планы и т.д. Орден не только захватывает в свои руки старые университеты (Вена, Прага), но, кроме того, основывает новые (Вюрцбург, Бреславль и др.). Вообще, в католических странах после реформации католицизм (главным образом при помощи иезуитов) стремится через школы, университеты подавить независимую мысль, подчинить себе личность и общество; университеты, подпавшие клерикальному влиянию, делаются даже оплотом реакции и вступают в борьбу со свободными учениями и свободными учреждениями. Такова, например, во Франции борьба Сорбонны (Парижского университета) с College de France. Возникновение этого последнего учреждения, представляющего род свободного университета, произошло под влиянием французских гуманистов и относится к 1530 г., когда впервые появились так называемые professeurs royaux [*королевские профессора, фр.*], получающие жалованье от короля. Более свободное направление этого учреждения, взявшего своим девизом «docet omnia» [*учит всему, лат.*], вызывает около середины XVI в. со стороны Сорбонны обвинение в смуте, кальвинизме и т.д.

Эти обвинения в неблагонадежности не ограничивались областью философии, богословия, права, — они простирались и на медицину. Около того же времени, т.е. около середины XVI в., Парижский медицинский факультет воздвиг гонения на сочинения знаменитого А. Раге, основателя новейшей хирургии. Он обвинялся (деканом факультета) в том, что в его сочинениях находятся «beaucoup de choses abominables et nuisibles aux bonnes moeurs et a l'Etat» [*множество вещей отвратительных и вредных для добрых нравов и для Государства, фр.*].

Какие же это вещи, наносящие вред добрым нравам, даже государству? А это — анатомическое описание женских половых органов, научный трактат о беременности, выкидыше, бесплодии, гермафродитизме. Дело дошло до парламента, требовали даже сжечь сочинения Раге... Это одна из самых темных страниц в университетской жизни вообще и в жизни Парижского медицинского факультета в частности.

Новая эра для европейских университетов начинается с конца XVII столетия, когда в Германии, именно в Галле, объявлен был картезианский принцип свободы научного исследования (Überlaß philosophandi), из которого развилась так называемая «akademische Lehrfreiheit» [*академическая свобода преподавания, нем.*]. Почва для этой академической свободы, как мы уже говорили, подготов-

лена была гуманистами XVI в.; в XVII в. усилилось прогрессивно-умственное и рационалистическое направление (требовавшее, кроме доказательств разума по Декарту, также доказательств a posteriori), выразителями которого в области права явились Пуфендорф и его ученик Томазий, в области философии Лейбниц и Хр. Вольф¹. Томазий вводит новое направление и новый университет в Галле (1694 г.), под покровительством и с разрешения просвещенного курфюрста Фридриха. С тех пор за университетом официально признается право свободного исследования, свободного изложения всяких учений². Благодаря этому Галльский университет в XVIII в. приобретает руководящее значение в Германии³, академическая свобода (Lehr- und Lernfreiheit) [*свобода преподавания и обучения, нем.*] постепенно⁴ проникает затем и в другие германские университеты (раньше — в Геттинген); университеты снова становятся в Германии во главе умственного движения в XVIII столетии, и, в особенности, в XIX, после того как был основан (1810 г.) Берлинский университет. Пережив под влиянием меняющихся политических воззрений и событий ряд пертурбаций, университеты в Германии становятся во главе научного прогресса. Целый ряд выдающихся мыслителей, ученых принадлежит теперь уже университету: Хр. Вольф, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель и далее — в других областях научной мысли и творчества: Гаусс, Галлер, Гумбольдты, Ф.А. Вольф, Лахман, Куртиус, Моммзен, Нибур, Либих, Р. Майер, Вебер, Гельмгольц, Кирхгоф, И. Мюллер, Вирхов, Лангенбек, Унланд, Шиллер и многие другие⁵. Постепенно вырабатывается тот университетский строй, который мы видим в Германии теперь: профессора, выдающиеся деятели науки, являются в то же время и учителями юности; юноши черпают свои познания и вдохновение из первоисточника науки. В Германии, по Паульсену, наука стоит ближе к сердцу народа, чем в других странах. Вообще задачей современного германского университета является не только обучение, но и научное исследование, по форму-

¹ Томазий и Лейбниц являются деятельными сотрудниками первого в Германии ученого журнала: «Acta eruditorum» [*учительские ведомости, лат.*], издававшегося Менке в Лейпциге, что дало им возможность развивать свои взгляды.

² Однако с оговоркой: «der Lehren, die nicht wider Gott und den Staat sind» [*учений, которые не противостоят Богу и Государству, нем.*]. E. Horn. Akademische Freiheit. S. 19.

³ Между прочим, и в области медицины, профессорами которой в Галле были: представитель рационалистического направления ятромеханик Гофман (друг Лейбница) и Сталь, изобретатель жизненной силы и флогистона, основатель анимизма.

⁴ Я говорю постепенно, потому что в отдельных случаях репрессалии против свободы учения еще применялись. Так Христиан Вольф за свое учение был (под угрозой смертной казни) изгнан в 48 часов из пределов Пруссии (при Фридрихе Вильгельме); Кант не мог добиться позволения напечатать свое сочинение по философии религии в Галле и Геттингене; ему удалось напечатать его в Кенигсберге, но профессора не имели права излагать это учение на своих лекциях (В. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования. Вестник Европы, 1876, кн. 5).

⁵ Интересным представляется следующий факт: главная масса выдающихся лиц, научных, культурных работников и т.д., вышла в Германии из среды детей сельского духовенства. Игнатович говорит: «Потомству сельских священников немцы обязаны весьма значительной частью своего образования. По Ю. Шмидту 9/10 великих преобразователей и литераторов были дети приходских священников».

ле Гумбольдта: «профессора не для студентов, а те и другие вместе для науки». Старое догматическое учение, стремившееся дать учащимся ряд истин, установленных авторитетами, заменяется стремлением приучить студентов к самостоятельному мышлению, научному исследованию, а где можно, и к совместной научной работе. Соответственно этому новому направлению, развиваются семинарии, практические занятия. Характерным в развитии новейших университетов представляется также строгая специализация, постепенное увеличение кафедр, соответственно новым нарождающимся специальностям; увеличение хорошо в научном отношении обставленных лабораторий, клиник и т.д.

Мы не будем останавливаться на тех сторонах университетской жизни, которые не имеют непосредственно отношения к научной и педагогической деятельности, но считаем не лишним отметить, что, если политические движения (например, в XIX в.) резко отражались на университетах, влияли на их жизнь, на их строй, то и университеты в свою очередь влияют на политику Германии, в особенности чрез историков и представителей юридических наук: политика нередко получает от университетов импульс и направление.

Что касается медицинских факультетов, то они долго были слабейшими факультетами в германских университетах, как бы придатками к другим факультетам, и только в XIX столетии начинают постепенно выдвигаться. В 1805 г. общее число студентов медиков во всех прусских университетах было только 144, тогда как юристов 1036, теологов 555. В конце столетия, в 1899–1900 учебном году, в одном Берлинском университете 11 тысяч учащихся (в Пруссии 22 тысячи), в том числе медиков более 25%¹. В новейшее время медицинские факультеты приобретают не только видное, но и преобладающее значение. Приведу слова Фр. Паульсена, бытописателя университетской жизни: «Man kann vielleicht sagen, dass die grossen Entdecker und Erfinder in der Medizin die bekanntesten und berühmtesten Männer unter den Universitätsgelehrten der Gegenwart sind: nicht die Erfinder neuer philosophischer Systeme, nicht die Herrscher im Gebiet der philologischen oder historischen Kritik, sondern die Namen der Entdecker neuer Krankheitserreger und Heilmethoden sind jetzt in aller Munde» [*Можно сказать, что великие первооткрыватели и изобретатели в медицине — наиболее прославленные и известные университетские ученые современности: на устах у всех сейчас не создатели новых философских систем, не властители дум в области филологической и исторической критики, но имена тех, кто открывает новых возбудителей болезней и методы лечения, нем.*]. Не забудем, что медицинские факультеты в прошлом столетии дали науке Р. Майера и Гельмгольца, которым

¹ Интересно процентное отношение учащихся в университетах по странам. На 100 000 жителей в 90-х годах было студентов во Франции 43, в Германии 48 (с теологами 57), в Италии 51, в Австрии 56; maximum в Норвегии (77) и Бельгии (82), minimum в России (10).

принадлежит одно из величайших открытий в области естествознания, — закон сохранения энергии.

Во французских университетах преподавание велось по средневековым шаблонам вплоть до великой французской революции, — и прогресс университетов мало заметен; умственное движение XVIII в., энциклопедисты прошли как бы вне университетов, едва их касаясь. Французская революция уничтожила университеты с их привилегиями. Наполеон, хотя и восстановил, но изменил всю систему, создав для Франции один имперский университет, обнимающий все учебные заведения Франции. Таким образом, самое понятие университета в корне изменилось¹. Юридическое и медицинское факультетское образование перешло в отдельные специальные школы, имеющие своей задачей не научное исследование, а специальное назначение готовить для государства чиновников, врачей и т.д. Философский факультет, как *faculté des sciences* [факультет естественных наук, фр.] и *faculté des lettres* [филологический факультет, фр.], превратился в экзаменационные учреждения. Самые профессора являются как бы чиновниками, обязанными обучать и экзаменовать (приемные, выпускные экзамены), между тем как в Германии государственные экзамены даже выведены из университетов.

Нужно заметить, однако, что в новейшее время французские университеты перестраиваются и приближаются по своему внутреннему устройству и основным задачам к германским.

Что касается Коллеж де Франс, оно пережило бурю революций, Наполеоновские войны, — и мы видим там в XIX в. таких деятелей, как Мишле, Кинэ, Мицкевич, Ренан, Вертелло, Клод-Бернар и др.

Для старых английских университетов характерно, что они вплоть до новейшего времени удержали свой средневековый характер с замкнутой жизнью и обязательным способом учения в коллегиях, с административным строем и порядком старых времен. Как бы в противовес этим старым университетам, в Лондоне в XIX столетии (1828 г.) открыт Лондонский университет, London University, — учреждение с широкими экзаменационными функциями, но напоминающее уже по своему строю до известной степени немецкие университеты. При нем имеется Faculty of Medicine [медицинский факультет, англ.]. Из старых университетов медицинским факультетом славился всегда Эдинбургский.

Несмотря на свой крайний консерватизм, на многие еще архаические порядки, старые английские университеты могут с гордостью оглянуться на свое прошлое.

¹ Приведу определение К.Д. Кавелина: «Во Франции университет есть совокупность всех учебных заведений, соединенных в одну систему, представляющих части одного органического целого, подведомственных одному управлению. Оттого во Франции нет нескольких университетов, а есть один университет для всей Французской Империи, — один именно потому, что он сам по себе не есть особое отдельное учебное заведение, а система, организм, единство известных учебных и воспитательных заведений». Очерк Французского университета. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1862. 2.

Приведу слова Вальполя, сказанные им в нижней палате во время прений о Кембриджском билле: «Я с гордостью могу сказать, что принадлежу к университету, который по естествоведению (in science) произвел Бэкона и Ньютона, по богословию может похвалиться Барровым и Иеремией Тайлором, по классическому образованию и эрудиции указать на Бентлея и Порсона, которого тысячи детей — поэтов услаждают нас и поучают, каковы: Спенсер, Коулей, Мильтон, Дрейден, Грей, Байрон; который произвел великих юристов: Кока, Кэмбдена, Елленбора, Турлова; великих ораторов и государственных людей: Бурлея, Вальполя, Вильямса, Питта, Пальмерстона и, наконец, великого историка Маколея». (Цитировано по В. Игнатовичу, «История английских университетов». Журнал Министерства Народного Просвещения, 1861. 3.)

Перехожу теперь к русским университетам¹.

Между тем как европейские университеты считают уже многими столетиями свою жизнь, история русских университетов еще очень нова. Первый университет учрежден в России в 1725 г. и обязан своим возникновением просветителю России Петру I. Когда при Петре I был поставлен вопрос об открытии академии наук и по этому вопросу великий преобразователь России совещался с передовыми учеными Европы Лейбницем, Вольфом и др., тогда же решено было открыть и университет при академии наук. Доклад об этом был сделан Петру I 22-го января 1724 г., но ему не удалось привести в исполнение свой план; смерть прервала великие думы, — и уже Екатерина I исполнила завет Петра, в 1725 г. открыла академию наук и при ней университет.

Для первого университета были выписаны из-за границы не только профессора (17), но и студенты (8). Плохо прививался первый университет на русской почве. Учились плохо, несмотря на разные поощрительные меры (служебные преимущества, стипендии и т.д.), несмотря на строгости, — и еще в 1758 г. М.В. Ломоносов (по Пушкину, Ломоносов — это и есть «первый русский университет»), вступив в управление университетом, нашел его в самом печальном виде, как бы не существующим: «Здесь университет не токмо действия, но и имени не имеет». (Цитировано по Сухомлинову.)

Деления на факультеты в этом первом университете еще не было, хотя по регламенту 1747 г. сказано: «Лекции имеют быть 3-х классов: математические, физические и гуманиора». Этот университет все же дал ряд деятелей и некоторых первых профессоров Московского университета.

¹ По истории русских университетов, между прочим, напечатан хороший труд в Саратове: «Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Выпуск I: Академия наук и университеты». П. Ферлюдин. 1893 г. В нашем кратком очерке мы пользовались, наряду с работами Сухомлинова («Материалы для истории образования в России в царствование Александра I». Журнал Министерства Народного Просвещения. 1866), Иконникова («Русские университеты в связи с ходом общественного образования». Вестник Европы. 1876) и др., и этим трудом. О первых годах жизни Московского университета мы излагаем по историку С. Шевыреву (также саратовец): «История Императорского Московского университета». Москва, 1855.

Московский университет открыт в 1755 г. Императрицей Елизаветой по проекту, разработавшемуся М.В. Ломоносовым¹ и И.И. Шуваловым.

Учреждены были 3 факультета: юридический, медицинский и философский (деление на факультеты в 1759 г.); 10 профессоров; у медиков — 3 кафедры: химии, натуральной истории, анатомии; профессор анатомии должен был обучать и медицинской практике. Профессора обязаны были читать не менее двух часов в день. Пред началом вакансии полагались публичные диспуты. Университет не подчинялся никакому присутственному месту, исключая сената (указ 5-го марта 1756 г.). Во главе университета были 2 куратора (первый И.И. Шувалов), но для непосредственного управления был директор. Университет имел право суда (зачатки автономии), освобождался от сборов и т.д. Первые профессора были выписаны из-за границы, но двое были русских (Поповский — ученик Ломоносова — и Варсов)². В университет привлекали дворян, давая им разные привилегии. Крепостные люди не принимались, «понеже науки не терпят принуждения и между благородными учреждениями счисляются». Для приготовления к университету были учреждены в Москве (и Казани) по 2 гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев (но не крепостных). Первые студенты были главным образом из семинаристов; в 1759 г. были приняты и из гимназий подготовленные ученики.

Первые студенты пользовались большим вниманием не только высоких особ, но и двора. С.П. Шевырев рассказывает в своей «Истории Московского университета», как директор Мелиссино возил в Петербург студентов и гимназистов в 1757 г.: «Все эти благородные ученики и Студенты (слово «студент» Шевырев пишет везде с большой буквы), с директором Мелиссино были на куртаге представлены Шуваловым Ее Императорскому Величеству. Государыня жаловала их к руке, а некоторые удостоены были Ее беседы. В числе представленных был Григорий Потемкин. Некоторые получили чины и денежные награды за труды их».

Развитие университета в общем шло медленно, несмотря на поощрения³. Только небольшой процент из поступавших оканчивали курс и получали дипломы. В первое время, впрочем, и преподавание было плохо систематизировано: представителей математики, например, было только двое — Рост и Барсов; юридический

¹ Еще Лейбниц советовал Петру I при открытии университетов и школ в России наибольшее внимание обратить на Москву, а затем Астрахань, Киев и Петербург (Сухомлинов; то же см. у Шевырева, «История Императорского Московского университета»).

² «Оба питомцы Московских духовных школ и Санкт-Петербургской Академии Наук» (Шевырев).

³ «Ученье не пошло еще в потребность семейной и общественной жизни. <...> Даровитые ученики, начавшие дело с успехом, отвлекаемы были родителями, которые требовали от них преждевременного вступления в службу. Иногда же, обратно, ученье служило только предлогом, чтобы укрываться от службы: ни служить не шли, ни в классы не ходили.<...> Второе препятствие к успехам ученья заключалось в самих наставниках и их положении в службе и обществе. Шувалов жаловался на учителей и даже на профессоров за недостаток их деятельности. <...> Некоторые из профессоров частными уроками довольно скоро нажили себе состояние. <...> Иногда пристрастие ректора-иноземца к своим знакомым вовлекало его в

факультет долгое время представлен был даже одним профессором Дильтеем (10 лет), медицинский — одним Керштенсом. Христиан Керштенс, первый профессор медицинского факультета и отделения естественных наук, магистр свободных наук и философии, доктор медицины Лейпцигского университета, занимал место профессора химии и металлургии; он же был врач университетской больницы; он же преподавал теоретическую, экспериментальную физику и минералогию. Чтение лекций по медицине началось с 1758 г.¹ Некоторые из обучавшихся были командированы для продолжения образования за границу. Так в 1766–1770 гг. в Лейпциге учились 15 человек, в том числе знаменитый саратовец А.Н. Радищев, — гордость не только Саратова, но и всей России. Некоторые были командированы в Англию: Третьяков и Десницкий привезли из Англии (1767 г.) влияние Глазговской школы, блиставшей именами Блэкстона, Юма, Фергюссона, Адама Смита (В. Иконников).

Приведу по Шевыреву некоторые факты из жизни студентов. Студенты и ученики гимназии помещались в общежитии, в здании у Воскресенских ворот; сторонние приходили на уроки до обеда и после обеда. В 1763 г. конференция просила у куратора согласия не продолжать в октябре уроков поздно, потому что ученики, приходившие в университет, подвергались опасности ночью быть или съеденными собаками, или ограбленными ворами. Студенты жили по камерам; жизнь была строго регламентирована. Студенты первое время ходили всегда, даже гуляя за городом, в мундирах зеленого цвета с красным воротником, обшлагами и подбоем; носили

предосудительный выбор учителя. Какой-то разорившийся содержатель бархатной фабрики, швейцарец получил такое место» (Шевырев). Все же университет давал многое. Вот что говорит Фон-Визин, один из первых студентов: «В нем, обучаясь по латыни, положил я основание некоторым моим познаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам». «Потемкин также всегда хранил благодарную память о месте своего учения» (Шевырев).

¹ Преподавание медицины вообще и анатомии в частности было крайне слабо. Анатомия читалась теоретически. Добывание трупов сопряжено было с затруднениями. Вот что говорит историк Шевырев: «Более других должен был бороться с предрассудками народными профессор анатомии, нуждавшийся в трупах для своей науки. Эразмус (второй после Керштенса профессор анатомии в Московском университете) сказал две речи латинские, переведенные на русский язык: 1) «О противностях анатомического учения, увеселением и великою оною пользою несравненно превышаемых»; 2) «О нынешнем состоянии врачебной науки в России, сравнивая оное с законом Иппократовым». В первом из этих слов Эразмус нападает на тех невежественных врагов науки, которые сравнивали анатомов с мясниками и живодерами, далее защищает ее против тех хулителей, которые медиков называли безбожниками. Сам раскрыв премудрое устройство человеческого тела, согласно с его назначением, профессор приводит трактаты славных врачей, доказывавших бытие Божие из премудрого устройства разных органов телесных: Фр. Гофмана — из устройства всего тела, Гамбургера из рассмотрения сердца, Тиммия — из рассмотрения спины, Донатов способ из руки, Штурмиев из глаза и т.д.» Подобные странности в научных рассуждениях и речах объясняются отчасти давлением церкви и ее представителей. В регламенте университету, между прочим, говорится (о привилегиях университета): «Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях» (по Сухомлинову). Право возводить в степень доктора медицины, в присутствии депутата от медицинской коллегии, университет получил только в 1791 г. Первый получивший эту степень (1794 г.) был доктор Фома Барсук-Моисеев (раньше учившийся в Киевской академии), после профессор. Он публично защитил рассуждение «О дыхании». Между прочим, возражали на диспуте и студенты медики. Степень доктора до этого времени присуждалась за выслугу лет.

шляпы и шапки; последние вручались торжественно на актах, при производстве их в студенты. Разночинцам шапка давала благородство. За проступки студенты и информаторы (старшие) наказывались лишением книг. Кроме того, за дурное поведение сажали студентов на хлеб и воду, одевали на 3 дня в крестьянское платье, лишали жалованья за месяц¹.

Строго запрещались шумные сходки, пьянство, игры в карты и кости. Студент не имел права во время ученья ни делать долгов, ни продавать своего имущества. От студентов бралась присяга (на латинском языке) исполнять правила и предписания. За большие проступки увольняли временно или навсегда.

Уже вскоре по основании университета многие лица, подражая щедротам Императрицы, «благородно соревновали друг другу в пожертвованиях на университет» — говорит Шевырев. Прокопий Акинфиевич Демидов² пожертвовал 10 тысяч, а после его смерти его супруга, в память мужа, знаменитый гербарий и часть библиотеки; затем Твердышев 20 тысяч, Сумароков, Салтыков, Татищев (содержание 6 студентов) и др.

Один из крупных жертвователей вместе с даром прислал стихи, но пожелал остаться неизвестным. Некоторые профессора, вслед за благотворителями, безвозмездно читали публичные лекции, преподавали в гимназиях и т.д.: Шварц³ (первый преподаватель педагогики в России по Шевыреву), Шнейдер, Борденаве и др.

Из отрицательных сторон жизни (XVIII в.) старейшего русского университета я должен указать на преследования, которым подвергались некоторые профессора за свое направление в преподавании. Такова, например, печальная история профессора Мелльмана. Подобно тому, как Кант в Германии страдал за свое учение, так в России (но уже значительно позже) пострадал его приверженец, популярный профессор и выдающийся ученый Мелльман: после целого ряда мытарств, опросов, следствия и т.д. он был «признан неспособным к своему званию и оказавшимся поврежденным в уме, а потому выслан за реку Мемель в Пруссию». (Цитировано по В. Иконникову.)

Вопрос об университетах в России вновь поднимается при Екатерине II, в связи с реорганизацией училищного дела вообще. По проекту «Комиссии об учреждении училищ», под председатель-

¹ На деньги, вычтенные у студентов из жалованья, покупали библии на славянском языке и др. книги (например, классиков). За проступки судили профессора, составляя акты на латинском языке, причем нелегко было некоторые русские слова выразить по латыни. В одном акте на латинском языке об украденной казенной простыни квасник, замешанный в дело (ему передана простыня), назван был *cerevisiae secundariae coctor* [повар второсортного кваса, лат.].

² Это брат двоюродный Павла Григорьевича Демидова, основателя юридического лицея в Ярославле. Пожертвования делали и другие Демидовы. Так, Николай Акинфиевич прислал 5500 листового железа для кровли университетского дома и 800 пудов лучшего связного железа. При самом основании Демидовы пожертвовали 13 тысяч, а через 2 года еще 8 (Шевырев).

³ Шварц был также первым инспектором учрежденной при его содействии педагогической семинарии, основателем «Дружеского общества» (преследующего педагогические цели) и первого студенческого научного общества под именем «Собрание университетских питомцев» для упражнения в сочинениях и переводах (Шевырев).

ством О.П. Козодавлева, предполагалось открытие еще 3 университетов — в Пскове, Чернигове и Пензе. Проект университетского устава Козодавлева представляет значительный шаг вперед; по проекту предполагалось 3 факультета, 22 кафедры (у медиков 7); предполагалось дать право преподавания, кроме профессоров, магистрам и докторам (приват-доцентура). Основным началом университетского преподавания признается, что «свобода мыслей способствует вообще знаниям»; доступ в университеты должен быть открыт для всех подготовленных без различия сословий. Крестьянство и права его к образованию отстаивал еще Ломоносов. В программе комиссии находится следующее место: «Несвободные люди также должны иметь право быть в университете <...> Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода их приобретать, а не для того, чтобы сие право предоставлялось только людям свободным» (по Сухомлинову).

Осуществление программы комиссии О.П. Козодавлева произошло уже при Александре I после того, как в 1802 г. был учрежден «орган просвещения» (министерство народного просвещения): тогда учреждены были университеты в Дерпте (1802 г.), Казани (1804 г.) и Харькове (1804 г.), преобразованы университеты в Москве, Вильне; в 1819 г. Петербургский педагогический институт преобразован в университет; для каждого университета дан был устав¹. Эти новые университеты в общем организованы были по типу германских, на автономных началах с выборными деканами, ректором; высшая инстанция — совет университета; правление — исполнительный орган; университетам дано было право суда, цензуры; студенческими делами заведовал выборный инспектор из профессоров. Попечителю, жившему вне университетского города, принадлежало право контроля; ему доставлялись годовые и полугодовые ведомости, ежемесячные рапорты и копии с журналов; он наблюдал за правильным употреблением сумм (через неперменного заседателя правления); но вообще устройство университета основано было на началах совершенной автономии; попечитель утверждал не все постановления совета, не судил лиц, подведомственных университету, и студентов.

По уставу 1804 г. факультетов — 4, всего 28 кафедр, на медицинском факультете 6 кафедр²; кроме того, 3 лектора, учителя «приятных искусств» и гимнастики (в Харьковском университете была еще кафедра военных наук). Учебные заведения округов подлежали по уставу 1804 г. ведению университетов: университетам принадлежало право суда над всем составом учебного округа. При

¹ В составлении этого устава большую роль играл известный историк университетов Мейнерс, сторонник академической свободы. Главное управление училищ при составлении устава руководствовалось сведениями об устройстве иностранных университетов, а также планом университетов, выработанным в комиссии при Екатерине (Сухомлинов).

² По уставу Виленского университета (1803 г.) на медицинском факультете 7 кафедр; по уставу Дерптского 6. В военно-медицинской академии, учрежденной в 1799 г., 7 кафедр, к которым в 1800 г. прибавлено еще 7 и 3 адъюнктуры.

открытии Харьковского университета поступило 54 студента, чрез 11 лет их было только 122; в Казанский университет поступило при открытии 33 казенных и 8 своекоштных, в 1822 г. число студентов дошло до 91. В Москве в 1812 г. было 215 студентов. Лекции читались на разных языках; в Казани в 1809 г. на русском языке 8 предметов, на латинском — 5, на французском — 3, на немецком — 1.

Под влиянием политических событий взгляды правительства и отношение к университетам в течение XIX столетия несколько раз резко изменяются (см. Иконникова: «Русские университеты в связи с ходом общественного образования», Вестник Европы, 1876). После карлсбадского совещания (с Меттернихом), университеты переживают погром 20-х годов, период Магницкого и Рунича (см. «Историю Императорского Казанского университета» Н.П. Зогоскина, 1906, т. IV и «Опыт истории Харьковского университета» Д.И. Багалея, 1904, т. II). В 1835 г.¹ выходит новый устав, по которому, наряду с некоторыми улучшениями (доцентура, право собственной цензуры, выписки книг и проч.), автономные права ограничиваются; административный надзор и влияние попечителей усиливаются. Между прочим, учебные заведения изъяты из ведения университетов. Устав 1835 г., составленный в то время, когда в Германии не прошла еще реакция (и целый ряд профессоров подвергался гонению за свои учения), был, однако, даже либеральнее германского.

Вместо Виленского университета учреждается в 1833 г. университет в Киеве на несколько иных началах.

О преподавании медицины на медицинском факультете в первую половину XIX столетия см. сочинения Пирогова, т. II «Истории Харьковского университета» Багалея, и мою статью «Медицина и хирургия в XIX веке» (Русская Мысль, 1902); в общем преподавание было слабо²: «Характер лекций по основным предметам преобладал теоретический, сухой, книжный» (Багалея. Медицинский факультет Харьковского университета, 1905–1906).

После 1848 г. автономные права университетов уничтожаются; усиливаются репрессии по отношению к ним; устанавливается надзор не только за студентами, но и за профессорами. Между прочим, запрещаются поездки профессоров за границу. Некоторые науки, как, например, государственное право европейских наро-

¹ Устав 1835 г. очень похож на дерптский устав 1820 г., действовавший очень долго и давший благие результаты, как это видно из описания Дерптского университета Н.И. Пироговым.

² Д.И. Багалея, делая обзор преподавателей на медицинском факультете за первые годы существования Харьковского университета (Опыт истории, т. II), говорит: «Из 12 преподавателей медицинского факультета 5 были докторами медицины, двое получили ученую подготовку в Петербургской медико-хирургической академии, один за границей (в Англии), остальные четыре не имели ни ученой степени, ни специальной ученой подготовки». И далее: «Огромное большинство деятелей, выступившее на преподавательское поприще в университете, подготовилось к ней у себя дома, частью под руководством своих же профессоров-специалистов, частью путем самообразования». Самые заграничные командировки были неудачны, несмотря иногда на большую затрату денег, как это видно на подробно описанной автором командировке некоего Гнедича, посланного в Англию для занятий по хирургии.

дов, философия, изгоняются совсем; преподавание логики и психологии поручается профессору богословия. Публичные лекции разрешались редко. Грановскому не разрешили даже издавать исторический журнал. Число студентов ограничено (1849 г.), причем замечено, что «детям благородного сословия — открыта возможность поступать в военно-учебные заведения или же прямо в ряды войск, для чего университетское образование не есть необходимость». Плата за обучение повышается.

Этот период продолжается до Александра II; уже при нем постепенно отменяются разные стеснительные меры, а затем вводится устав 1863 г. Устав этот разрабатывался в комиссии под председательством Фон-Брадке. Запрашивались мнения иностранных ученых; привлекались к участию и участвовали в разработке устава выдающиеся русские профессора, каковы: Пирогов, Кавелин¹, Никитенко, Ленц, Соловьев, Пахман, Бакст, Бунге, Овсянников, Андреевский, Георгиевский, Костомаров, Чебышев и др.

Университетам по этому уставу, напоминающему устав 1804 г., дана широкая автономия. Главным органом управления является совет: ему подчинены факультеты (учебная часть) и правление (хозяйственная часть — исполнительный орган); выборные ректор и проректор; университетский суд коллегиальный, подчиненный совету; при чем власть судебная отделена от административной и т.д. Попечителю предоставлено право принимать все нужные меры, чтобы принадлежащие к университету учреждения и лица исполняли свои обязанности, и только в случаях чрезвычайных он уполномочивался действовать всеми способами, хотя бы они и превышали его власть, с обязанностью в таких случаях доносить немедленно министру. Таким образом, устав 1863 г. вполне гарантировал за университетами право самоуправления.

Рамки преподавания по этому уставу широко раздвинуты. Количество кафедр значительно увеличено: на медицинском факультете 16 кафедр, не считая 17 доцентур (к числу последних и прозектора) и младших преподавателей (лаборантов, ординаторов, помощников прозекторов и т.д.); самое распределение наук по кафедрам более правильное; кафедры снабжены учебно-вспомогательными учреждениями. Факультетам предоставлено право делить факультеты на отделения; оставлять стипендиатов для приготовления к профессорскому званию; командировать за границу; введен на широких основаниях институт приват-доцентов. Университетам предоставлено право утверждать в ученых степенях. Студенты, как лица самостоятельные и на время только приходящие в университет, по уставу 1863 г., подчинены вне здания университета общей полиции и подсудны общим законам; в зданиях же университета подлежат надзору университетской полиции и отвечают

¹ К.Д. Кавелин был командирован в 1862 г. за границу собрать сведения, касающиеся устройства университетов: он изучил учебное устройство преимущественно по части высшего образования во Франции, Швейцарии и Германии.

перед университетским судом за нарушение своих обязанностей по отношению к университету¹.

В 1865 г. был открыт Одесский университет, преобразованный из Ришельевского лицея.

Устав 1884 г., действующий и теперь, построен на иных началах: автономные права университетов ограничены; власть попечителя и ректора расширена. В период действия этого устава открыт Томский университет (1888 г.). Но устав этот отживает свое время. Мы имеем уже временные автономные правила, имеем разработанный проект нового устава, который в скором времени будет рассматриваться в законодательных учреждениях².

Как ни нова история русских университетов, но они имеют уже немало заслуг.

Во-первых, русские университеты выдвинули очень крупных научных деятелей. Но до 60-х годов прошлого столетия выдвигались лишь отдельные личности, как например, Н.И. Пирогов (из Москвы) и Н.И. Лобачевский (из Казани), приобретшие мировую научную репутацию: имена их неизгладимы в истории науки XIX в.

Начиная с 60-х годов, русская наука и ее деятели постепенно становятся в уровень с западно-европейскими. Во всех отраслях знания, науки мы имеем ряды славных имен. Их немало, если принять во внимание, что мы начали поздно жить научной жизнью. Для примера укажу на ряд химиков в русских университетах, каковы, например, Зинин (окончил Саратовскую гимназию), Бутлеров и особенно Менделеев, которому принадлежит одно из величайших открытий в области химии (периодическая система элементов). Или, например, славный ряд биологов: А.О. Ковалевский, Тимирязев, Виноградский, Навашин (саратовец) и др. В других областях естествознания имеются также ряды славных имен. Как медик, не могу не указать с гордостью, что уже двое из наших соотечественников, Иван Петрович Павлов и Илья Ильич Мечников за научные заслуги в области медицины удостоены мировой премии Нобеля, — и в этом отношении мы не только не отстали, но даже опередили некоторые другие нации...

Это доброе предзнаменование: оно дает уверенность, что русская наука и ее представители имеют будущность...

Но и помимо научных заслуг, русские университеты за свое относительно кратковременное существование уже много сделали для нашего отечества. Профессор Андреевский в своей известной записке об университетах так определяет значение русских университетов: «Они подготовили поколение, которое оторвалось от

¹ При составлении устава 1863 г. за образец приняли опять-таки главным образом германские университеты, но кое-что заимствовано и из французских университетов: государственные экзамены (дающие права), связанные с университетом, обязательность учебных планов, переводных экзаменов и др. Устав 1863 г. с некоторыми изменениями был применен и к Варшавскому университету, образованному в 1869 г. из главной Варшавской школы.

² Новейшая история русских университетов в связи с изменяющимися взглядами министерства народного просвещения и политическими событиями, довольно подробно изложена П.Н. Милюковым в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (отдел «Русские университеты»).

крепостного права и облегчило правительству совершить величайшее из всех государственных дел русской истории; они подготовили поколение, которое сознало необходимость реформ судостроительства и судопроизводства; подготовили поколение, которое самостоятельно и широко разрабатывает науку, исторические, этнографические, географические условия жизни; обычаи, экономические явления, словом — все вопросы, в знании которых так нуждается государство и общество». К этим словам, сказанным еще в 60-х годах, можно прибавить, что русские университеты подготовили поколение, которое насаждает и укрепляет в России новый государственный строй, возведенный с высоты престола 17-го октября 1905 г. ...

В сжатом очерке мы отметили главнейшие стадии развития европейских университетов, мы указали краткое значение университетов в истории культуры и прогресса. Мы старались также указать на важнейшие фазы развития академической свободы, начиная от первых ее проблесков в жизни средневековых итальянских университетов и кончая современными германскими университетами, по образцу которых организуются и наши русские. Об академической свободе много говорят; о ней специально написаны целые трактаты. Она была предметом обсуждения в прекрасных статьях Н.И. Пирогова и К.Д. Кавелина, двух наиболее видных и наиболее чтимых русских писателей по университетскому вопросу. Н.И. Пирогов, горячий поборник университетской науки, автономии и сторонник академической свободы, говорит: «Университеты для сохранения своего истинного значения (поддержания высших духовных стремлений) требуют полной свободы научного исследования и учения... Общество тогда только и начинает жить, а не просто расти, когда все, чем оно живет: язык, вера, обычаи и предания — слагаются в науку. За наукой остается и законодательная, и судебная, и всякая другая власть, со всеми правами, кроме кулачного»¹. Политические движения в университетах Н.И. Пирогов считает временными, несомненно, зависящими от того, что «все перевороты и катастрофы общества отражаются на университете <...> там, где руль политической жизни общества качается ровно, как часовой маятник, университет делается барометром просвещения». К.Д. Кавелин² столь же определенно высказывается за академическую свободу и, кроме того, дает более точное ее определение и указывает путь к ее достижению. «Исследование, — говорит он, — по природе своей свободно, или же невозможно и не существует вовсе; между этими двумя крайностями нет и не может быть середины, потому что свобода есть живая душа науки. <...> Мы убеждены, как и многие, что в наше время свобода науки, мысли, преподавания и учения есть единственно правильное начало университетской организации. Но именно потому, что ее часто

¹ Н.И. Пирогов. Университетский вопрос. Сочинения, т. I.

² «Свобода преподавания и учения в Германии». Журнал Министерства Народного Просвещения. 1863. Т. 1.

ошибочно объясняют и применяют, мы считаем совершенно необходимым точно определить, в чем именно состоит эта свобода, где ее границы, без которых нет ни одной свободы в мире, как она прилагается к государственным и общественным установлениям¹. <...> Свобода везде возможна, где наука и университет добровольно, сознательно отказываются от всякого непосредственного практического действия на жизнь, от всякого влияния, непосредственно вызывающего или возбуждающего к практической деятельности, сознательно воздерживаются от языка зажигающей страсти, — словом, твердо решились не принимать никакого непосредственного участия в общественной практической деятельности. Другого пути для водворения свободы науки и мысли нет и быть не может. Сначала, без сомнения, круг этой свободы будет очень тесен, но он будет все расширяться, по мере того, как предубеждения против мысли и ее выражений станут постепенно ослабевать, что возможно лишь тогда, когда мысль и ее выражение потеряют характер непосредственных политических и общественных деятелей. <...> Университетская наука окажется полезной сама по себе, общими своими действиями и без ближайших практических применений, как свет, вода, воздух». Далее К.Д. Кавелин указывает, что в Германии раньше всего поняли эту тайну свободной мысли и науки, притом не только учителя, но и студенты. Про студентов немецких и швейцарских, на основании непосредственных сношений с ними, К.Д. Кавелин говорит: «Они развивают свой образ мыслей чтением сочинений и своих статей, рассуждением, беседой; однако ни немецким, ни швейцарским студентам, какого бы они ни были направления, не приходит и в голову переступить за черту теоретической деятельности; опыт научил их, какие это имеет последствия; за такие уклонения студенческие общества поплатились в Германии своим существованием и гибелью лучших своих членов. Теперь черта между теорией и практикой проведена и в сознании студентов отчетливо и твердо».

По-видимому, и наши русские университеты, пережив политические бури недавних лет, постепенно направляются к тому пути достижения полной академической свободы, на который указывает К.Д. Кавелин. Пусть же новый светильник, зажженный на юго-востоке в России, горит ярким, но ровным пламенем, рассеивая мрак невежества, освещая пути обновленной России!..

¹ Еще определеннее эта мысль выражена у профессора Г. Кауфмана: «Alle Freiheit ist beschränkte Freiheit, jede Freiheit fordert die Schranken der Ordnung, aber allerdings nur die Ordnungsschranken, welche dem Wesen der Sache entsprechen, um die es sich handelt». G. Kaufman, Die Lehrfreiheit an den deutschen Universitäten im neunzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1898 [*«Всякая свобода есть ограниченная свобода, всякая свобода требует границ упорядоченности, разумеется, только тех границ упорядоченности, которые соответствуют сущности дела, о котором идет речь»*]. Г. Кауфман. Свобода преподавания в немецких университетах в девятнадцатом веке. Лейпциг, 1898, нем.].